

Т. С. Тайманова

О смерти и славе лейтенанта Пеги

*Блажен, кто пал в пылу великого сраженья
И к Богу — падая — был обращен лицом <...>*

Ш. Пеги «Ева» (пер. Б. Лифшица)

17 сентября 1914 г. в газете «Эко де Пари» появилась статья Мориса Барреса «Шарль Пеги, принявший смерть на поле чести» (“Charles Régny mort au champs d’honneur”). Баррес писал: «Мы гордимся нашим другом. Он, лейтенант пехоты Шарль Пеги, погиб с оружием в руках, встретив врага лицом к лицу. Так он вошел в число героев французской мысли. Его жертва многократно усиливает значение его творчества. Он прославлял моральное величие, самоотверженность, неистовость души. Ему дано было в одно мгновение доказать истинность того, что он провозглашал. И вот он свят. Такая смерть вдохновляет, такая смерть более, чем когда-либо, действенна, такая смерть более, чем какая-либо другая, жизненна сегодня»¹.

Эти слова оказались пророческими. Сегодня, в 2014 г., имя Шарля Пеги широко известно во всем мире. Актуальности его философской мысли посвящаются научные труды и конференции, а в 2014 г., когда во всем мире вспоминают павших на той войне, имя Пеги всплывает одним из первых². При этом до сих пор отношение к Пеги остается неоднозначным. Его прославляют и прогрессивные, и самые реакционные круги. Его считают и социалистом, и мистиком, патриотом и националистом, гуманистом и реваншистом. Один из ключевых вопросов, который провоцирует столь противоречивые оценки этой масштабной фигуры мыслителя начала XX в., — отношение к войне. Этот вопрос стоял остро не только для Пеги. Он повлек за собой расслоение среди французской интеллигенции — своего рода духовную гражданскую войну. На рубеже XIX–XX вв. Германия была для французов родиной И. Гете, Л. Бетховена, Г. Гегеля, страной великой духовной культуры. Но она же была и «кулаком Бисмарка, занесенным над нашей юностью»³.

**Тайманова Татьяна
Соломоновна,**
доктор
филологических наук,
профессор,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)

Франко-прусская война закончилась поражением Франции, но конфликт на этом не исчерпался. «Со времен моего детства не было, пожалуй, двух лет без военной угрозы со стороны Германии»⁴, — писал Ромен Роллан в письме к Софье Бертолини от 6 ноября 1908 г. Естественно, что в период нагнетания напряженности между двумя странами, в период усиления во Франции националистической пропаганды, достигших своего апогея в 1905 г., когда последовал так называемый танжерский кризис, творчество Пеги, как, впрочем, и других его современников, которым была небезразлична судьба Франции, не может быть рассмотрено вне проблемы войны с Германией, войны прошедшей и, вероятно, будущей, и тесно связанной с этим проблемы взаимоотношений французской и немецкой культур.

Быть или не быть войне? Какую роль должно сыграть искусство в сближении двух стран и в предотвращении возможной войны? Как должно относиться к Германии и что такое патриотизм? Вот основные вопросы, мучившие французскую интеллигенцию. Именно эти вопросы приведут к ее расколу, расколу необратимому, разверзшемуся как пропасть и фактически приведшему в середине 1890-х гг. к началу «дела Дрейфуса». Однако до 1905 г. вопрос еще не стоял так остро. В 1891–1893 гг. образовался франко-русский союз, и это, казалось, отодвинуло германскую угрозу. Даниель Галеви, французский историк и эссеист, писал: «Вспоминается этот далекий (1892. — Т. Т.) год с его блестящими перспективами и обещаниями. Он завершил 20 лет тягостной изоляции, которая последовала за 1871 годом. Союз с Россией, наконец-то заключенный, избавил от немецкой угрозы, и Франция, успокоенная, окрепшая, снова стала верить и надеяться»⁵. Быть может, оценка Галеви тех лет была слишком оптимистической. Безусловно, наметившийся раскол уже разделил французскую интеллигенцию на так называемых реваншистов, националистов, для которых Германия — это только военная угроза, и тех, для кого Германия — страна великой духовной культуры, страна А. Шопенгауэра, Р. Вагнера и Ф. Ницше, тех, кто считал, что искусство должно победить вражду между двумя великими культурами. Но на тот момент борьба шла еще на уровне литературных дебатов, и интеллигенция, несмотря на интерес к политике, главную роль в решении всех сложных вопросов отводила искусству и творческой миссии. Опрос, проведенный в 1895 г. одновременно двумя журналами — «Меркюр де Франс» (Франция) и «Нойе Дойче Рундшау» (Германия), показал в целом положительное отношение французской интеллигенции к установлению более тесных культурных связей между Францией и Германией. Тем не менее как в политике (П. Дерулед и его Лига патриотов), так и в литературе (Морис Баррес и его националистическая доктрина «Земля и мертвые») националистические и реваншистские тенденции становятся все популярнее. В ответ на это французы, находившиеся «по другую сторону баррикады», во главе с Жаном Жоресом яростно выступали против реваншизма и крайнего национализма во всех их проявлениях. В 1899 г. Ж. Жорес писал: «Все французы с гордостью желают Франции великой роли в мире. Однако она обретет ее не в военных авантюрах, а подавая народам пример и знак справедливости»⁶. Позже

к Ж. Жоресу присоединился Анатоль Франс, который также предупреждал об опасности национализма.

Какова же в этот критический для Франции период позиция Пеги? Пытаясь разобраться в этом вопросе, стоит обратиться к его биографии, к детству. И дело не только в том, что он родился в 1873 г., и все его детство было наполнено рассказами о войне, на которой воювал и его отец, но и в его так называемой «малой родине». Если Франция не могла смириться с поражением в войне, еще менее был склонен принять его родной город Пеги — Орлеан, ассоциирующийся во всем мире с именем Жанны д'Арк — воплощением самой идеи патриотизма. По сей день каждый год в начале мая город празднует годовщину своего освобождения, и, по свидетельству друзей детства Пеги, он с жаром участвовал в этих народных уличных праздниках. Впоследствии образ Жанны останется с Пеги на всю жизнь и займет огромное место в его творчестве. Возможно, еще в детстве он стал отождествлять себя с французской героиней, ведь детство Пеги приходилось на то время, когда напряжение между Германией и Францией было еще очень сильным. И немалым искушением было представлять себе на месте англичан XV века пруссаков 1870 года.

В начальной школе Пеги читал, как и многие его сверстники, рассказы о французской истории и мечтал о военной славе. Эти мечты приобрели конкретность и остроту после того, как в его руки попали книги В. Гюго и Ж. Мишле. Так что в отличие от героев романа Мориса Барреса Пеги не был «беспочвенным». Однако навешивать на него ярлыки националиста и реваншиста (как это было принято, например, в советском литературоведении) было бы явным упрощением.

Пеги боролся за идею чистой, героической и свободной Франции, авторитет которой признали бы во всей Европе. Он, подобно Ж. Жоресу, желал Франции «великой роли в мире», но настроен был гораздо более воинственно.

Особенно резкой была реакция Пеги на Танжер. Напомним, что экспансия Франции в Марокко встретила резкий отпор Германии. 31 марта 1905 г. Вильгельм II посетил Танжер, где произнес провокационную речь против Франции, засвидетельствовав агрессивные намерения Германии. Ответом Пеги на события 1905 г. была его знаменитая статья «Наша Родина», появившаяся в октябре того же года. Пеги пишет: «...в половине двенадцатого я узнал, что за эти два часа наступил новый период в истории и в моей собственной жизни, в истории страны и, конечно, в истории народа»⁷. Новость, о которой пишет Пеги, — это не просто новость, это колокол, который бьется в сердцах французов, «это известие, которое захватывало мало-помалу всех, распространялось не так, как какая-нибудь обычная новость, которая разносится как пыль посредством слов; это было, скорее, какое-то общее прозрение, внутреннее, тайное, глубокое, эхо одного звука; при первом звучании, первой интонации каждый услышал в себе, узнал, как что-то знакомое и свое, этот глубокий резонанс, этот голос, который не был голосом извне, этот голос памяти, погребенной, кто знает,

с каких пор и зачем»⁸. Ромен Роллан писал о невероятно сильном эффекте этого произведения Пеги: «Это появление призрака — задержанное, отодвинутое к концу... и даже в самом заключении как бы оставленное в полумраке, еще более страшное, будучи завуалированным недомолвками, окутанным тайной, начиненное невысказанными угрозами, — производит потрясающий эффект. Увы, такая развязка — лишь поднявшийся занавес над кровавой трагедией, которая разыгрывается в этот июньский день 1905 года в душе французов»⁹.

С того момента Пеги не устает бить в набат, все его помыслы направлены на возрождение Франции, на реванш, который должен смыть позор поражения. Если в 1899–1901 гг. Пеги говорил о ремесле солдата как о неизбежном, нужном, но грязном, о своей ненависти к милитаризму, если он заявлял о своем намерении дезертировать из армии в случае мобилизации, то теперь он готов идти сражаться за правое дело. Некоторые французские исследователи, например Б. Гийон (и с ним трудно не согласиться), стремились показать, что в 1905 г. Пеги оставался верным «мистике своей юности», мистическому преклонению перед Родиной, верным идеям, которые он проповедовал и раньше. Пеги всегда рассматривал Францию как интеллектуальный, духовный центр мира, несущий освобождение другим народам. Угроза Франции для него всегда означала угрозу самим идеям свободы, республики и революции. Изменились лишь его взгляды на то, как следует понимать защиту этой великой Франции-освободительницы. Во время «дела Дрейфуса» Пеги видел величие Франции в отстаивании истины любой ценой, даже в ущерб армии, если армия против справедливости. Теперь же любой ценой необходимо было отстаивать свободу Франции. Пеги требует «военного режима в мирное время» и с яростью нападает на Жореса и на всех его сторонников, выступавших против войны.

К. Дижон в книге «Немецкий кризис во французской мысли» пишет: «Когда Прессансе отказался поднять вопрос об Эльзасе и Лотарингии, когда Альбер Тома в противовес Андлеру говорит об истинности пацифизма немецких социалистов, когда Жорес сражается бок о бок с Эрве, когда Сеньобос предлагает держать пари, что войны не будет, Пеги приходит в ярость. Его сердце полностью отдано войне, которую он призывает и о которой мечтает»¹⁰. Именно с 1905 г. расходятся пути Шарля Пеги и Романа Роллана, который, хотя и понимал неизбежность войны, но не мог согласиться с Пеги ни в отношении к этой войне, ни в отношении к Франции «как к самой избранной из всех современных рас»¹¹.

Друг и постоянный собеседник Пеги, Даниель Галеви писал на смерть Пеги: «Я не стану оплакивать его героическую кончину. Он ее искал, он ее нашел, он был достоин ее [...]. Не будем скорбеть о нем. Такой смерти, которая служит высшим подтверждением всего им созданного, которая ставит под ним подпись кровью, он сам желал»¹². Пеги всегда восхищала фигура солдата — солдата, павшего за свою землю. Строки из его поэмы «Ева» (1913) «Блажен, кто пал в бою за плоть земли родную, / Когда за правое он ополчился дело; / Блажен, кто пал, как страж отцовского надела, / Блажен, кто пал в бою, отвергнув смерть иную»¹³

можно считать своеобразной визитной карточкой поэта. Недаром многие исследователи творчества Пеги называют солдатом его самого¹⁴. При этом его отношение к войне совсем неоднозначно: его можно осмыслить, вспомнив разговор Жанетты и Овьетты из знаменитой «Мистерии о милосердии Жанны д'Арк» (1910):

«Жанетта: Война — вот главный источник страданий. О! Будь она проклята! И будь прокляты те, кто принес ее на землю Франции! [...]

Вечно одно и то же. Шансы неравны. Война воюет с миром. А мир, естественно, не воюет с войной. Мир оставляет войну в покое. Мир уничтожается войной. А война не уничтожается миром. Раз уж она не была уничтожена миром Божьим, миром Иисуса Христа, как уничтожилась бы она людским миром? Миром человеческим.

Овьетта: Ты права [...]. Но чтобы покончить с войной, нужно воевать [...] но ведь не мы же будем воевать? [...]

Жанетта: [...] раз мы не стремимся убить войну, то становимся соучастниками [...]»¹⁵

Уходя добровольцем на фронт, Пеги писал в прощальном письме: «Я уйду как солдат Республики сражаться за всеобщее разоружение, на последнюю из войн»¹⁶. Конечно, Пеги был мистиком и идеалистом. Но его друг и учитель великий философ Анри Бергсон написал ему 11 августа: «Я поздравляю Вас с уходом на фронт. Вы вернетесь, и я вновь увижу Вас в победоносной, помолодевшей, вернувшейся к жизни Франции. Но, если Вам суждено уйти (а кто из нас может быть уверен, что будет жив завтра?), рассчитывайте на меня, рассчитывайте на мою жену, если меня здесь уже больше не будет: мы позаботимся о Вашей жене и о Ваших детях. Обнимаю Вас»¹⁷. Нужно сказать, что Бергсон выполнил свое обещание и после смерти Пеги помогал его вдове вырастить детей и дать им образование.

В своем отношении к войне Пеги был искренним и последовательным до конца. Он ушел на фронт добровольцем и погиб 5 сентября 1914 г. накануне битвы на Марне. Этот уход он предчувствовал давно, давно осмысливал, неоднократно обращаясь к теме смерти в своем творчестве. Он давал философское осмысление не только личной смерти, но смерти поколения, нации, цивилизации, смерти искусства¹⁸.

Для писателя мысли о смерти неотделимы от мыслей о славе, будь она прижизненной или посмертной.

Пеги не был чужд тщеславия и ценил себя достаточно высоко: «В гражданской, политической, светской, мирской жизни я хочу преисполниться гордости. Как мы и делали. И имели на это право. Таков был наш долг. Нам не только не о чем сожалеть, но мы и ныне не сделали ничего такого, что помешало бы нашей славе. Такого, что умалило бы или свело на нет нашу славу. Можно начать публикацию моего собрания сочинений хоть с завтрашнего утра»¹⁹. При этом собственный горький опыт (невостребованность в литературных

кругах, отказ в присуждении премии Французской Академии) заставлял писателя много размышлять о превратностях мирской славы. Искушение мирской славой представляется ему и искушением мирским господством: «Нужно исследовать, не станет ли искушение славой, которое поражает, затрагивает как раз высокие души [...], не станет ли оно также в современном мире искушением мирским господством [...] Можно не заметить, что сама слава, старая слава, которая существовала в прежнем мире, что слава старых времен тоже превратилась в современном мире, ввиду его косности, в мирскую современную силу»²⁰. Мирская слава в сознании Пеги непосредственно связана с современным миром и его продажностью: посты, кафедры, владение умами — это не только власть, но и богатство. Критикуя Жореса, интеллектуала, стремящегося к мирской славе и интеллектуальному господству, Пеги пишет: «Горе художнику, возлюбившему славу. И горе общественному деятелю, возлюбившему популярность [...] Теперь мы знаем, сколько грязи и низостей в основании верно построенной славы»²¹.

Обращение в католичество уводит мыслителя от суетности мирских амбиций. Несмотря на глубокую искреннюю веру, он еще долго не мог почувствовать смирение и гармонию. Но в 1912 г., совершив паломничество в Шартр, Пеги пишет: «Я так страдал и так молился... Я живу не причащаясь... Но я получил сокровища благодати [...] Шартр — мой собор... Я молился, мой друг, как никогда еще не молился... И вот я смирился. Мне больше ничего не надо. Мне плевать на славу, которая волновала меня два года тому назад. Я смиряюсь»²².

Еще будучи учеником школы Св. Варвары, Пеги задумывался о своем предназначении. И уже тогда, мысля философски, имел в виду не столько себя, сколько свое поколение.

Именно тогда у него зародилось свое понимание истории, которым он охотно делился с однокашниками, излагая свою теорию исторического времени, которое разделял на периоды и эпохи. Под эпохами Пеги подразумевает короткие исторические моменты, когда и творится история. А периодами он называл безвременье, когда история идет на ощупь, и беда тем, кто оказался на ее пути. Но Пеги считал, что один человек или группа людей совместными действиями способны изменить ход истории, и в бездарности периода засияет слава эпохи²³. Он будет придерживаться этой классификации и впоследствии, в частности, написав о своем времени: «Бывают в современной истории, но не в истории в целом [...] великие волны кризисов, источником которых обычно бывает Франция (1789–1815, 1830, 1848), и они сотрясают мир от края до края. Но есть в истории и более или менее длительные моменты затишья, мертвого штиля, когда все успокаивается на относительно длительное время. Бывают эпохи, а бывают периоды. Мы живем в одном из периодов»²⁴. Всю свою жизнь Пеги будет одержим идеей превращения современного ему периода истории в эпоху. Назначение своего поколения он видит не в погоне за мирской славой, несущей земные радости, почести, богатство, власть, несколько строчек в учебнике истории, а в том, чтобы оставить свой след на скрижалях истории вечной.

Что касается мирской славы, то Пеги считает, что и она достается не всем. Часто она приходит не к тем, кто ее искал и к ней стремился. Автор рассуждает о славе в связи с «делом Дрейфуса», которое считал главным событием для своего поколения и которое, по его мнению, превращало период в эпоху. Размышляя о «деле Дрейфуса», Пеги приходит к выводу, что историческая слава, связанная с этим именем, относится не к самому А. Дрейфусу, а к той борьбе, которая развернулась вокруг него. Личность Альфреда Дрейфуса не заслуживала никакой славы, да он ее и не искал. Так распорядилась история. Пеги всегда переводит свои рассуждения из плоскости современной истории в плоскость философии, или, как он считал, в плоскость вечной истории²⁵. Это касается и его рассуждений о славе А. Дрейфуса: «И к чему ему были признание, известность, вся эта мировая слава? Жертва поневоле, герой поневоле, мученик поневоле. Незаслуженно прославившись, он предал свою славу. [...] Столько других, алкавших славы, остались принужденными к покою. А ему, стремившемуся к покою, было предуготовано призвание, предначертано бремя, суждена слава. [...] Великая история [...] может быть объяснена не иначе как следующим: в определенный момент целый народ, целая раса оказываются охваченными потребностью, глубинной потребностью к славе, к войне, к истории, которая принуждает его к взрыву, к извержению. Таинственная потребность остаться на скрижалях истории. Историческая. Таинственная потребность в некой исторической плодотворности. Таинственная потребность вписать великую историю в историю вечную. Все другие объяснения тщетны, рассудочны, рациональны, неплодотворны, нереальны. Поэтому и наше дело Дрейфуса может быть объяснено только потребностью, такой же потребностью в героизме, которая охватила целое поколение, наше, потребностью к войне, войне *военной* и к военной славе»²⁶.

Так завершается некий круговорот, и мысли Пеги о войне, смерти и славе приобретают вид своеобразной философской концепции истории, которую Пеги развивает, вступая в диалог с Клио, впервые появившейся в качестве персонажа и собеседницы автора в эссе «Нашим друзьям, нашим подписчикам» (1909).

Чтобы вынести свой приговор, История-наука требует доказательств от претендентов на мирскую славу, спрашивая: «Где следы вашей деятельности [...] где ваши документы [...] где ваши баррикады, [...] где ваши гражданские и патриотические войны, [...] где ваши мученики, где ваши герои?»²⁷ Ее интересуют материальные следы и свидетельства былого величия, а отнюдь не та незаметная тяжелая повседневная работа, направленная на духовное оздоровление общества, которую вел Пеги в своих «Тетрадах» и которая должна отразиться не в исторических датах и событиях, не в плане земном, а в плане вечности.

Пеги неустанно повторяет, что история творит общественное, но из частного. Таков ее внутренний, присущий ей, истинный метод, ее научный механизм, таков ход ее развития. Пеги считает, что история развивается не так, как кто-то хочет, а так, как хочет она. Люди прилагают огромные и бесплодные усилия, чтобы вписать себя в книгу истории, но исто-

рия всегда проходит мимо. А тем, которые ничего не хотели, она дает все. Именно тех, кто меньше всего этого ожидает, кто меньше всего об этом думает, она задевает своим широким крылом. Так вошли в историю подруги Жанны, которые, став уже взрослыми, пришли свидетельствовать на процесс ее реабилитации — суд, который Пеги назвал самым великим со дня суда над Иисусом.

Уйдя на войну и погибнув в возрасте 41 года в самом расцвете своих творческих возможностей, не увидев своего сына, родившегося несколько месяцев спустя, Пеги не искал земной славы. Он не искал славы военной — он искренне считал, что своим поступком «объявляет войну войне», атакует «сам институт всех армий, каждой армии как инструмента интернациональной ненависти»²⁸ и тем самым вносит свой вклад в историю вечную.

¹ Barres M. *L'âme française et la guerre: l'Union sacrée*. Paris, 1916. P. 200.

² Нельзя не отметить одну из самых значимых конференций, посвященных в 2014 г. Ш. Пеги: «Colloque international „L'actualité de la pensée politique de Péguy“, 17 et 18 janvier 2014 au Sénat (palais du Luxembourg, Paris). Кроме того, из многочисленных работ о жизни и творчестве Пеги, увидевших свет в последние годы, выделим следующие: *Laval M. Tué à l'ennemi: la dernière guerre de Charles Péguy*. Paris, 2013; *Rioux J.-P. La mort du lieutenant Péguy: 5 septembre 1914*. Paris, 2014; *Chantre B. Péguy point final*. Paris, 2014.

³ Роллан Р. Собр. соч.: в 14 т. М., 1958. Т. 14. С. 599.

⁴ Цит. по: *Балахонов В. Е. Ромэн Роллан и его время («Жан Кристоф»)*. Л., 1968. С. 90.

⁵ Там же. С. 18.

⁶ *Jaurès J. Action socialiste. 1-ère série*. Paris, 1899. P. 71.

⁷ *Péguy Ch. Notre Patrie*. Paris, 1948. P. 120.

⁸ *Ibid.* P. 123–124.

⁹ *Rolland R. Péguy: en 2 vol.* Paris, 1944. Vol. 1. P. 109.

¹⁰ *Dijon C. La crise allemande de la pensée française*. Paris, 1959. P. 513.

¹¹ *Péguy Ch. Œuvres en prose complètes: en 3 vol.* Paris, 1987–1992. Vol. 2. P. 378.

¹² Цит. по: *Rioux J.-P. La mort du lieutenant Péguy: 5 septembre 1914*. 169.

¹³ *Пеги Ш. Блажен, кто пал в бою... / пер. Б. Лившица // Семь веков французской поэзии в русских переводах*. СПб., 1999. С. 518.

¹⁴ См., например: *Secretain R. Péguy, soldat de la vérité*. Paris, 1939; "...premier soldat de la pensée française» (*Silvestre Ch. Charles Péguy*. Paris, 1916. P. VII–VIII).

¹⁵ *Пеги Ш. Наша юность: мистерия о милосердии Жанны д'Арк*. СПб., 2001. С. 232–269.

¹⁶ *Halevy D. Péguy et les Cahiers de la Quinzaine*. Paris, 1941. P. 368.

¹⁷ *L'Amitié Charles Péguy*. 2000. № 91, juillet–septembre. P. 331.

¹⁸ См. об этом: *Taimanova T. Charles Péguy: pour s'inscrire dans l'Histoire // Travaux de littérature: les Ecrits devant la mort*. 2012. Vol. XXV. P. 349–357.

¹⁹ *Пеги Ш. Наша юность... С. 99.*

²⁰ *Péguy Ch. Œuvres en prose complètes*. Vol. 2. P. 684–685.

²¹ Ibid. Т. 1. P. 558–561.

²² *Péguy Ch. Lettres et Entretiens*. Paris, 1927. P. 158–159.

²³ См. об этом: *Halévy D. Péguy et les Cahiers de la Quinzaine*. P. 35.

²⁴ *Пеги Ш. Наша юность...* С. 75.

²⁵ См. об этом: *Тайманова Т. С. Шарль Пеги: философия истории и литература*. СПб., 2006.

²⁶ Там же. С. 168.

²⁷ *Péguy Ch. Œuvres en prose complètes*. Vol. 2. P. 1284.

²⁸ Ibid. Vol. 1. P. 189, 191.

УДК 821.133.1:82.09 Péguy

Тайманова Т. С. О смерти и славе лейтенанта Пеги // Новейшая история России. 2014. № 3 (11). С. 100–109.

АННОТАЦИЯ: В статье говорится о поэте, философе, публицисте Шарле Пеги, погибшем 5 сентября 1914 г. Пеги ушел на фронт добровольцем. В своей публицистике он говорил о причинах неизбежно надвигающейся мировой войны, коренящихся в итогах франко-прусской войны, «деле Дрейфуса», танжерском кризисе. Позиция Пеги по отношению к войне и к немецкой угрозе вызвала резкое неприятие со стороны пацифистски настроенных кругов французской интеллигенции и оттолкнула от него бывших друзей и соратников, в частности Р. Роллана. По сей день эта позиция представляется неоднозначной. Нередко Пеги называют националистом и реваншистом, но такие упреки представляются безусловным упрощением. Чтобы разобраться в отношении писателя к войне, необходимо постичь его сложную философскую концепцию, рассматривающую историю с позиций христотризма. Отношение Пеги к войне тесно связано с такими постоянными концептами его философии истории и творчества, как «раса», «слава», «смерть», «эпохи» и «периоды». Отдельно в статье рассмотрено творчество Шарля Пеги в сравнении с работами и позициями других представителей французской интеллигенции, в первую очередь пацифистов и противников войны, показав отношение к Германии и грядущей войне в среде деятелей культуры в предвоенные десятилетия. Данная работа продолжает дискуссию о жизни и творчестве Пеги, вновь развернувшуюся в связи со столетней годовщиной начала Первой Мировой войны и столетием гибели Пеги на ее фронтах. Статья основывается на широком круге российской и французской историографии, работах самого Шарля Пеги.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Шарль Пеги, война, немецкая угроза, история, Франция, «дело Дрейфуса», смерть, слава.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); tshtaim@gmail.com

Taimanova T. S. The Death and Glory of Lieutenant Péguy

ABSTRACT: This article talks about the poet, the philosopher, and the publicist Charles Péguy who died in battle on September 5, 1914. Péguy left on the front as the volunteer. In his journalism, he spoke about the reasons of inevitably approaching world war

originating from the outcomes of the French-Prussian war, Dreyfus affair, First Moroccan Crisis. The Péguy's attitude to war and to the German threat caused strong opposition from pacifistic adjusted circles of the French intellectuals and pushed him away from former friends and colleagues, in particular, from R. Rolland. Even nowadays, his position is viewed as ambiguous. Quite often Péguy is called the nationalist and the revanchist, but such assessment is definitely too simplified. To understand the writer's position on war, one needs to comprehend his complex philosophical concept considering the History from the Christocentrism point of view. The Péguy's attitude to war is closely related to such permanent concepts of his philosophy of history and creativity as race, glory, death, eras and the periods. This article continues the discussion about the life and work of Charles Péguy, again started because of the centennial anniversary of the beginning of the First World War and the death of Péguy on its front. The article is based on a wide range of Russian and French historiography, works of Charles Péguy.

KEYWORDS: Charles Péguy, war, German threat, history, France, Dreyfus affair, death, glory.

AUTHOR: Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); tstaim@gmail.com

REFERENCES:

- ¹ Barres M. *L'ame française et la guerre: l'Union sacrée* (Paris, 1916).
- ² Laval M. *Tué à l'ennemi: la dernière guerre de Charles Péguy* (Paris, 2013).
- ³ Rioux J.-P. *La mort du lieutenant Péguy: 5 septembre 1914* (Paris, 2014).
- ⁴ Chantre B. *Péguy point final* (Paris, 2014).
- ⁵ Rolland R. *Sobr. soch. 14 Vol.* (Moscow, 1958).
- ⁶ Balakhonov V. E. *Romain Rolland i ego vremia («Jean-Christophe»)* (Leningrad, 1968).
- ⁷ Jaurès J. *Action socialiste. 1-ère série* (Paris, 1899).
- ⁸ Péguy Ch. *Notre Patrie* (Paris, 1948).
- ⁹ Rolland R. *Péguy: en 2 vol.* (Paris, 1944).
- ¹⁰ Dijeon C. *La crise allemande de la pensée française* (Paris, 1959).
- ¹¹ Péguy Ch. *Œuvres en prose complètes: en 3 vol.* (Paris, 1987–1992).
- ¹² Péguy Ch. 'Blazhen, kto pal v boiu...', Transl. by B. Livshitz in *Sem vekov frantsuzskoi poezii v russkikh perevodakh* (St. Petersburg, 1999).
- ¹³ Silvestre Ch. *Charles Péguy* (Paris, 1916).
- ¹⁴ Péguy Ch. *Nasha iunost: misteriiia o miloserdii Jeannu d'Arc* (St. Petersburg, 2001).
- ¹⁵ Halevy D. *Péguy et les Cahiers de la Quinzaine* (Paris, 1941).
- ¹⁶ *L'Amitié Charles Péguy*. 2000. № 91, Juillet–Septembre.
- ¹⁷ Taïmanova T. 'Charles Péguy: pour s'inscrire dans l'Histoire' in *Travaux de littérature: les Ecrivains devant la mort*, 2012, Vol. XXV.
- ¹⁸ Péguy Ch. *Lettres et Entretiens* (Paris, 1927).
- ¹⁹ Taïmanova T. S. *Charles Péguy: filosofiiia istorii i literatura* (St. Petersburg, 2006).